



И.И. АНТОНОВИЧ,
ДОКТОР ФИЛОСОФСКИХ НАУК, ПРОФЕССОР (МОСКВА)

ПОЛЬСКО-РОССИЙСКИЙ ДИАЛОГ КАК УСЛОВИЕ ЕВРОИНТЕГРАЦИИ

С позиций современных реалий, обусловленных изменением политической карты Европы в 1990-е гг., анализируются исторические, социально-политические, геополитические аспекты взаимодействия европейских государств. В качестве важнейшего условия будущего европейского сотрудничества рассматривается диалог России и Польши как стабилизирующий фактор хода полноценной общеевропейской интеграции.

The historical, socio-political, geo-political aspects of European states' interaction are given analysis to from the viewpoint of modern realities, conditioned by the change of the European political map in the 1990s. The dialogue between Russia and Poland is considered as the most important condition of future European cooperation and a factor stabilizing the whole process of European integration.

История отношений, социально-политические реальности, геополитические амбиции государств Центральной и Восточной Европы стали объектом внимания мировых исследователей и политических аналитиков после событий 1989 и 1991 гг., когда рухнула мировая социалистическая система и распался Советский Союз. Политическая карта Европы радикальным образом изменилась, в список новых европейских государств добавились и объявившие суверенитет бывшие республики Советского Союза. Сама Российская Федерация стала новым геополитическим формированием Евразии, ранее на географической карте мира не присутствовавшим. По сравнению с СССР ее территория уменьшилась на 40 %, население – почти вдвое, а геополитические параметры существенным образом откорректировались. Естественно, и военная мощь Советского Союза, представлявшая важнейший фактор международного равновесия сил, перестала играть свою геополитическую роль.

Вместо вооруженных сил СССР возникли вооруженные силы пятнадцати самостоятельных суверенных образований. Естественно, ни одни из них, включая и российские вооруженные силы, не могли и близко напоминать военную мощь бывшего СССР, обеспечивать мировое равновесие или нести равную прежней угрозу своим противникам.

Между тем геополитическая и социально-экономическая реальности молодой Европы, своеобразной срединной территории Европейского континента (Mitteleuropa), чрезвычайно трудно поддаются серьезному научному анализу. Ариаднина нить исторической истины с большим трудом пробивается через бесконечные споры, взаимные обиды, притязания. Это во многом объясняется тем, что ни один народ и ни одно суверенное государство после распада СССР не достигли периода расцвета, серьезно не улучшили свое благосостояние, не продемонстрировали торжества демократических принципов, не создали устойчивых, гармонично развивающихся общественных систем. Окончание холодной войны не дало ответа, как жить после нее. Спустя 20 лет после трагедии распада ни в одном из молодых государств не сложилась модель развития, приемлемая большинством населения. Поначалу новое руководство, пришедшее к власти в центральноевропейских и восточноевропейских странах, стремилось как можно дальше дис-

танцироваться от России, потому что новая Россия отождествлялась с Советским Союзом, ей приписывали немыслимые угрозы и тайные планы. В результате в три волны (1999, 1994, 1997) эти страны в большинстве своем были поспешно приняты в НАТО и Евросоюз. Тогда казалось, что это единственное условие обеспечения национальной безопасности и единственный реальный способ повысить благосостояние, учредить демократический правопорядок и занять свое место в мировом разделении труда.

Однако по прошествии 20 лет суверенного развития настроение в этих государствах не такое оптимистическое, как было вначале. Экономический кризис 2008–2010 гг. показал уязвимость новых экономических структур. Складывающиеся производственные отношения – модель не столько рыночного характера, сколько подчинения финансово-экономическим интересам ведущих западных держав. Под предлогом включения в мировую рыночную систему в молодых государствах были демонтированы национальные промышленные производства, отменены социалистические принципы ведения сельского хозяйства. В них ринулись потоки спекулятивного иностранного капитала, однако не в форме инвестиций, а в форме кредитов для учреждения банковских структур, биржевых сетей и для превращения этих стран в арену финансовой анархии.

Большинство жителей этих государств обнаружили, что в составе Евросоюза являются гражданами второго сорта. Они массовыми потоками бегут в страны Западной Европы наниматься на работу к бауэрам, мелким лавочникам, в средний бизнес, на крупные промышленные предприятия. Их принимают на условиях гораздо более неблагоприятных, чем граждан этих стран. Разразившийся кризис заставил значительную часть из них вернуться домой без существенных заработков, обнаружить отсутствие работы дома, а с нею и способа зарабатывать на жизнь.

Под предлогом избавления от финансово-экономической зависимости от России эти страны отказались торговать с ней. Да и торговать было нечем. Сегодня очевидно, что, если бы, скажем, в Латвии было сохранено производство знаменитых радиоприемников «Ригонда», трамваев, в Литве – телевизоров «Шилялис» и ряда других товаров широкого потребления, все они нашли бы сбыт в России, знакомой с этими брендами и привыкшей к неплохому качеству прибалтийской продукции. Это обеспечило бы нормальное функционирование предприятий, возможно, даже расширение их объемов и стабильную занятость населению.

Сейчас ничего этого нет. Экономика большей части стран Центральной и Восточной Европы находится на грани дефолта. Кризис лечится не созданием новых производств, оживлением сельского хозяйства, а по-прежнему реструктурированием огромных внешних займов, выпрашиванием новых кредитов для оплачивания процентов по этим займам, что означает развитие экономики по замкнутому кругу («vicious circle») в тупиковых условиях – от новых займов к упадку, и новый кризис не за горами.

Не удивительно, что в общественном сознании, в общественной жизни стран идут горячие споры на традиционную тему – кто виноват и что делать. В качестве виновного чаще всего называется Советский Союз, который якобы не дал, не позволил этим странам своевременно включиться в мировое разделение труда, получить доступ к международным рынкам и обеспечить свое самостоятельное развитие. Этой линии аргументации серьезно противоречит ситуация в других европейских странах – Греции, Португалии, Испании, которые сейчас также переживают острый кризис, их экономика находится на грани краха, а богатые страны Евросоюза не спешат «выкупать» их из их нынешних экономических ситуаций.

Дискуссия о прошлом, о проблеме вины периодически возникает между Польшей и Российской Федерацией. Польша – самая крупная в экономическом отношении и по численности населения страна Евросоюза, для кото-

рой последствия кризиса 2008–2010 гг. являются не столь катастрофичными, как для других стран Центральной и Восточной Европы. Противоречивые взгляды на исторические события XX в. и особенно на период Второй мировой войны, бытующие сегодня в Польше и в Российской Федерации, особенно ярко обозначились в двух событиях: в сентябре 2009 г. Польша отметила начало Второй мировой войны. В польской печати, хотя это некорректная перспектива, предлагалось началом Второй мировой войны считать агрессию Японии против Китая в 1931 г. 1 сентября 1939 г. – дата нападения Гитлера на Польшу, которую называют началом Второй мировой войны, относится только к европейскому театру последующих военных действий. Тут тоже необходима коррекция – к этому времени нацистами уже была растерзана Чехословакия, состоялся аншлюс Австрии. Но в Польше на уровне стереотипа общественного сознания почему-то бытует мнение, что поляки – главные жертвы Второй мировой войны.

Характер проведения мероприятий, связанных с нападением на Польшу, различен: в Варшаву были приглашены все те, кто считал Советский Союз столь же ответственным за развязывание Второй мировой войны, как и гитлеровскую Германию. А кое-кто даже успел назвать СССР более виновным, чем Третий рейх. Это в основном представители стран Прибалтики, самой Польши, которые считают, что они явились жертвами договора о ненападении между Германией и Советским Союзом и в особенности тайного протокола к нему – пакта Молотова – Риббентропа. Варшаву, таким образом, снова охватила горечь поражения, воспоминания о нем глубоки, и мероприятия приобрели острый политический накал. Забылось даже, что поляки вместе со своими союзниками по антигитлеровской коалиции стали победителями в борьбе с фашизмом.

В Москву приехали руководители государств-участников антигитлеровской коалиции, руководители большинства стран мира. Произошел серьезный разговор о значимости победы над фашизмом, о необходимости строительства нового миропорядка в реальностях XXI в., о задачах укрепления международного сотрудничества и борьбы за мир. В военном параде по этому торжественному случаю участвовали воинские подразделения государств-членов антигитлеровской коалиции.

Празднование этих событий показало, что анализ итогов Второй мировой войны не только по-прежнему разделяет народы и государства, но и что линия разделения почти совпадает с линией военных действий того времени. Итоги Второй мировой войны оказались более болезненными и долгосрочными, чем любой другой войны XX в., и, безусловно, будут давать о себе знать на протяжении, во всяком случае, ближайших десятилетий. Однако линия победы как нравственно-этическая тема берет верх над линией поражения и каталогизацией взаимных обид. Иначе и быть не может, ибо канонизация обид и поражений питает чувство мести, а это чувство в глобальном масштабе – инициатор всех конфликтов, начало новых войн, в которых уже не будет побежденных и победителей.

Но вернемся к перспективе польско-российского диалога. Конечно, никто не ожидает, что Польша забудет о своих потерях и страданиях в период Второй мировой войны. Так же, как никто не склонен забывать об этом ни в России, ни в других странах антигитлеровской коалиции. Однако память о жертвах Катыни жжет сердца поляков, им, кажется, трудно поверить, что Катынь – это боль и многих граждан России. Точно так же, как и боль утраты в связи с недавней трагической гибелью президента Польши стала общей для поляков и россиян. У России есть и свои обиды. В русских сердцах живет память о гибели тысяч советских солдат в польском плену после войны 1920 г. В ходе Второй мировой войны в памяти всех народов Центральной и Восточной Европы накопилось немало обид¹.

Поляки осуждают договор о ненападении, заключенный СССР в августе 1939 г. с Германией. Они считают, что это типичный пакт двух агрессоров, заранее нацеленных на раздел Польши. Однако в договоре, равно как и в секретном протоколе к нему, Польша не рассматривается как объект совместных действий немецких и советских вооруженных сил. Да, Польша стала одной из первых жертв вооруженной агрессии вермахта. И большинство поляков считают, что в этом есть вина и Советского Союза, но забывают сказать о том, что западные государства бросили Польшу на произвол судьбы, пообещав помощь в случае, если Гитлер развяжет агрессию против них. Сталин, встречаясь после нападения фашистов на СССР с посланниками Рузвельта Гомпкинсом и Гарриманом, говорил о том, что пакт с Гитлером был ответом на грубую враждебность премьер-министра Англии Чемберлена, помешавшего заключить тройственный союз Франция – Англия – СССР, который мог бы предотвратить Вторую мировую войну². Этому можно поверить. Время было не такое, чтобы кривить душой. Незадолго до этого Чемберлен легко сдал Чехословакию. Что ему Польша?

Английский историк Д. Дэвис, описывая эти события, говорит о том, что Франция и Великобритания требовали от Польши «продержаться» две недели, а потом они придут на помощь. Поляки продержались более двух недель и выполнили договоренность. Франция и Великобритания уклонились от исполнения обещаний (между прочим, обещания были устными)³. В польском общественном мнении господствует упрощенная позиция в оценке событий 1939 г. Если внимательно читать польскую историографию по этому периоду, то получается, что главным виновником поражения Польши является полковник Й. Бек, бывший министром иностранных дел с 1932 по 1939 г. Говорится о нем как о бессмысленно упрямом и высокомерном человеке, главная беда которого заключалась в том, что ему, как и его патрону Пилсудскому, так и не удалось наладить активное сотрудничество с западными державами. Присутствует также намек на его чрезмерное доверие Гитлеру и уверенность в своей возможности влиять на него.

Польскому министру иностранных дел приписывается и вина за то, что он отказался договориться с Советским Союзом о возможности участия Красной Армии в совместной борьбе против Гитлера в случае его нападения на Польшу. Получается, что Бек виноват в том, что не уклонился от давления Геринга и Риббентропа и остался глухим к предложениям Молотова и Литвинова. Однако большинство объективных исследователей считают, что Бек поверил обещаниям о военной помощи Великобритании и Франции. Это действительно, пожалуй, непростительный грех. Не в первый раз в трудную для Польши историческую минуту западные державы отказали ей в обещанной поддержке. Следует вспомнить, что польские восстания против царизма 1830-х и 1860-х гг. также начались при твердом обещании Великобритании и особенно Франции вмешаться и развязать военные действия против царизма. Западные державы этого не сделали, что в значительной мере предопределило особую жестокость, с которой эти восстания были подавлены.

За две недели кровопролитных боев против Гитлера Польша, несмотря на неравенство вооружений, оказала достойное, героическое сопротивление. Немецкие армады из 2,5 тыс. танков (у поляков – 150) и 2 тыс. современных военных самолетов (у поляков – 400) обрушились на Польшу внезапно. Немцы подготовили великолепное тыловое обеспечение, а польская армия вынуждена была вступить в бои без соответствующей подготовки тыла⁴. Все это объяснимо. Государство, осуществляющее агрессию, всегда готовится скрыто и тщательно. Поскольку большая часть такой подготовки ведется строго секретно, непосредственное начало агрессии всегда неожиданно. Именно этой неожиданностью историки Советского Союза и Соеди-

ненных Штатов объясняют массовые, даже панические, отступления советских войск на восточноевропейском фронте, а американских войск – в районе Тихого океана. В этой борьбе поляки потеряли более 60 тыс. человек убитыми, 140 тыс. ранеными, гражданские потери были еще выше, однако провести их строгий подсчет в то время уже не было никакой возможности. Для немецких агрессоров эта военная акция тоже была далеко не увеселительной прогулкой. Немцы потеряли более 50 тыс. человек убитыми. Английский историк Д. Дэвис героизмом польского сопротивления в определенной степени объясняет жестокость немецкого оккупационного режима в Польше, превратившего всю страну в своего рода «Гестаполанд»⁵.

Поляки пытались уравновесить вину Советского Союза и фашистской Германии в разгроме Польши, упуская из виду немаловажные исторические обстоятельства. Истолковывая пакт о ненападении в свою пользу, немцы требовали, чтобы Советский Союз немедленно присоединился к их военным действиям в Польше. СССР отказался это сделать. Советские войска вступили на территорию Польши после 17 сентября 1939 г., когда она уже пала под действием немецких агрессоров, а правительство эмигрировало в Румынию, заняли территории Западной Белоруссии и Западной Украины точно по «линии Керзона» – восточной границе Польши по Версальскому договору об окончании Первой мировой войны (предполагавшей раздел по Бугу), за западным берегом которой начиналась польская этническая территория. 23 сентября 1939 г. немцы неохотно подписали договоренность с представителями военного командования Красной Армии о включении этих территорий в состав СССР. СССР официально объяснил, что он предпринял свои действия, когда Польша перестала существовать как суверенное государство и Рижский договор 1921 г. утратил свою силу.

Если поляки истолковывают сегодня договор о ненападении между Германией и СССР как агрессивные устремления к европейскому господству двух авторитарных государств, то аналитики той поры оценивают смысл этого договора несколько по-другому. Члены так называемого Рижского окна – группы американских политических наблюдателей и разведчиков, расквартированные при посольстве США в Риге и в 1920-е гг., внимательно изучавшие ситуацию в Советском Союзе, считают, что Сталин был вынужден заключить этот договор с Гитлером, потому что хорошо представлял себе социально-экономическую слабость своей страны, ее военную неготовность и пытался выиграть время. Один из представителей этой группы, видный американский аналитик Ю. Лайенс, ополчившийся на этот договор и то время, называя его «эпохой тупиц», закончившейся фарсом, полагает, что в действиях Сталина был ужас перед Гитлером, и заключенный договор рассматривает как «жуткую и бессмысленную попытку умиротворения»⁶.

Отметим также, что в Центральной и Восточной Европе есть страны, которые совсем по-другому оценивают советское вмешательство в ход военных действий в Польше. Белоруссия и Украина – страны-основательницы Организации Объединенных Наций – в результате падения Польши смогли присоединить свои западные территории. По Рижскому договору 1921 г. Западная Белоруссия и Западная Украина отходили к Польше, были включены в состав так называемой Второй Речи Посполитой во главе с маршалом Пилсудским.

Времена правления Пилсудского сохранили о себе недобрую память у белорусского и украинского народов. В результате проводимой Пилсудским политики «санации» на территориях Западной Белоруссии и Западной Украины пролилось немало крови. Под предлогом борьбы с коммунистами развязанный жесточайший политический и гражданский террор на самом деле был направлен против белорусов и украинцев. Представители интеллигенции – научные работники, врачи, профессора университетов, учителя

школ, писатели, композиторы, художники – арестовывались без предъявления обвинений, заключались в тюрьмы, подвергались всякого рода пыткам. Известный белорусский национальный деятель той поры, ксендз А. Станкевич, который отнюдь не симпатизировал коммунистам, достаточно строго документировал все эти преступления, их описание содержится в его недавно изданной книге⁷.

В значительной степени преступления, совершенные польскими властями на западных территориях Белоруссии и Украины, сталинские преступления против поляков (в особенности трагедия Катыни) можно объяснить авторитарными режимами в обеих странах. Ведь маршал Пилсудский осуществил второе возвращение во власть в 1923–1924-х гг. путем военного переворота, ввергнув Польшу, хотя и на короткий период, в состояние гражданской войны. Правда, он не занял должности президента, а оставался руководителем вооруженных сил.

Однако военные руководители – не самые лучшие правители в период крупных геополитических конфликтов и неудач. Наследник Пилсудского генерал Ридз-Смиглы вместе с министром иностранных дел Польши Бекон несет ответственность за чрезмерную политическую суету, которая помешала им найти верных союзников в борьбе против нацистской агрессии. О Сталине здесь и говорить нечего. Его «деяния» задокументированы и зафиксированы.

Чрезвычайно важно отметить, что приход советских войск на территории Западной Белоруссии и Западной Украины был встречен с энтузиазмом местным населением как избавление от польской неволи. Об этом говорит не только Станкевич, но и многие другие исследователи этой эпохи. Станкевич тем не менее говорит о жестокости и высокомерии поляков по отношению к белорусам и украинцам. Он свидетельствует, что в ходе Второй мировой войны на оккупированных в Белоруссии территориях местное население испытывало крайний гнет со стороны немцев, большевиков и поляков-партизан из Армии Крайовой. По словам Станкевича, они «превзошли всех других» и, за небольшим исключением, были формальными бандитами, грабителями, оголтелыми шовинистами. Он пишет, что владеет документальными свидетельствами многих белорусов, что эти «бандиты», объявлявшие себя принадлежавшими к Армии Крайовой, издевались над местным населением, причем в этом участвовали их ксендзы-«капелланы». Ночью они убивали людей, а утром принимали причастие у своей паствы⁸.

Конфликтные ситуации не помешали, однако, восстановить дипломатические межгосударственные отношения между правительством СССР и правительством Польши, находившимся в это время в эмиграции в Лондоне. Уже в 1941 г. обе страны стали участниками антигитлеровской коалиции, однако спор за территории Западной Белоруссии и Западной Украины серьезно омрачал эти отношения. В польском общественном сознании, как раньше, в ходе Второй мировой войны, так и сегодня, весьма популярна «Ягеллонская традиция» строительства Польши «от моря и до моря».

Пилсудский при обсуждении договора между РСФСР и Польшей в Риге в 1920 г. требовал восстановления Польши в границах 1772 г., игнорируя правовую ситуацию: Великое Княжество Литовское входило в Первую Речь Посполитую не как часть польского государства, а как суверенный субъект федерации, сохранивший свои самоуправление и правопорядок вплоть до раздела Польши и даже Польских восстаний 1830–1860-х гг. Требования польского эмиграционного «лондонского» правительства о том, чтобы западные территории Белоруссии и Украины снова вошли в состав Польши после разгрома фашизма, помешали развить польско-советские отношения полноценно, на основе взаимоуважения⁹.

Удивление вызывает и тот факт, что даже коммунистическое правительство, возглавляемое Берутом, в 1945 г. все еще продолжало требовать воз-

вращения этих территорий. Существует легенда, согласно которой Берут привел Сталину аргумент: «Львов надо отдать Польше, так как русские там никогда не бывали прежде». На что Сталин, подумав, ответил, что если русские не бывали во Львове, то зато они были в Варшаве. На этом спор прекратился, а настроения остались и в кое-каких кругах они живут до сих пор.

Очевидно и другое: поляки собственными силами освободить себя от фашизма не могли. Об этом свидетельствует трагедия Варшавского восстания 1944 г. И здесь, как водится, разные стороны дают различные интерпретации. Поляки продолжают обвинять Сталина как Верховного главнокомандующего Красной Армии, что он не поспешил на помощь восставшим. Советские, и потом российские, историки достаточно убедительно свидетельствуют: возможности быстрого продвижения к Варшаве тогда у Красной Армии не было, так как она совершала крупную перегруппировку сил, а восстание началось без предварительного уведомления советского командования.

Безусловно, здесь можно понять действия эмигрантского правительства в Лондоне: оно рассчитывало на то, что ко времени прихода в Варшаву советских войск там уже будут представители официальной польской власти, которые вступят со Сталиным в самостоятельные переговоры. Однако со Сталиным такие маневры не проходили. Манипулировать им оказалось не под силу не только польскому эмигрантскому правительству, но и союзникам по антигитлеровской коалиции. К тому же военная ситуация польскому правительству в Лондоне виделась иначе, чем ее реальное развитие.

Сегодня важно одно: без помощи Красной Армии Польша не стала бы свободной от нацизма в 1945 г. И здесь опять существует большое противоречие и неумение должным образом оценить доблесть поляков и русских. В советском, а потом и русском общественном мнении усиленно подчеркивается вполне справедливая мысль, что при освобождении Польши погибли 600 тыс. советских солдат и офицеров. При этом великие жертвы поляков на алтарь победы не то, чтобы «забывались», а как-то умалчивались. В свою очередь, поляки, всячески превознося свою собственную доблесть, как-то «забывают» о том, что вина за их поражение в 1939 г. лежит не на Советском Союзе, а скорее на их союзниках Великобритании и Франции, которые отказали им в поддержке. А окончательная победа над фашизмом все-таки является совместной великой исторической заслугой Польши и Советского Союза, равно как и всех других членов антигитлеровской коалиции.

Представляется, что значительную часть этих взаимных недоразумений и попыток переписать историю Польши и других стран Восточной и Центральной Европы можно объяснить их нынешним положением в составе Евросоюза и НАТО. Единственным фиксируемым результатом их участия в этих союзах является пока то, что военнослужащие армии этих стран участвуют, чаще всего против своей воли и вопреки национальным интересам, в агрессивных действиях НАТО: в Югославии в 1999 г., в Ираке и Афганистане сегодня. Пока что прямым результатом этого участия можно назвать десятки цинковых гробов, которые получают матери солдат этих стран, воюющих на далеких полях сражений. При всем усилии официальной политической пропаганды характеризовать это как важнейший позитивный результат их членства в НАТО и ЕС не удается.

Все это не может не формировать своеобразный комплекс неполноценности, особенно у небольших восточноевропейских государств (Литва, Латвия, Эстония). Надо полагать, что желанием скрыть противоречивость результатов общеевропейской интеграции мотивирована и мощная пропагандистская кампания «вины» Советского Союза, а ныне России за нынешнее положение этих стран. В этот же комплекс неполноценности можно включить и стремление возвеличивать «героев прошлого», что выразилось в не-

уклюжем восхвалении руководителей коллаборационистских воинских формирований, сотрудничавших с немцами в период Второй мировой войны.

У участников антигитлеровской коалиции проблема коллаборационизма получила достаточно четкое оправдание: все действия по сотрудничеству с фашистскими оккупантами представителей населения территорий оккупированных стран фиксируются как измена, и это правовое определение получило свое закрепление в ходе Нюрнбергского процесса. Мысль о том, что коллаборационисты в Прибалтике или в других странах сражались за свободу своего народа, безосновательна.

В научных исследованиях, посвященных периоду фашистской оккупации, например, нет ни одного документального свидетельства, что действия белорусских коллаборационистов мотивировались «свободой для белорусского народа». Всюду и везде в официальных выступлениях перед населением, в печатных публикациях они говорили о совместной борьбе с Гитлером «против большевизма». Ко времени, когда немцы были вынуждены согласиться на некоторую видимость автономности коллаборационистских формирований в 1943–1944-х гг., они уже ощущали неизбежность поражения и мотивировали борьбу против Советского Союза не столько задачей «уничтожения большевизма», сколько задачей защиты Германии от внешнего врага¹⁰. К слову сказать, коллаборационисты не пользовались уважением у гитлеровцев, которые их презирали, оскорбляли и поручали им выполнять особо грязную и кровавую работу, такую как массовые расстрелы мирного населения, карательные акции против партизан, сбор податей и налогов с населения оккупированных территорий.

Несомненно, в польском сознании глубоки и горьки обиды на Россию, царский режим которой в течение двух столетий угнетал польский народ, на пребывание советских войск на территории Польши после окончания Второй мировой войны, на несправедливость и жестокость советского авторитарного режима. Исследователи, однако, отмечают, что уровень социально-экономического и культурного развития Польши в период 1945–1989 гг. не превзойден нынешней Польской республикой. Более того, они подчеркивают, что большая часть достаточно длинного списка польских обид – не на современную Российскую Федерацию, а на Российскую империю и Советский Союз. Современная Польша и Россия – новые страны, формирующие свою политику в новых условиях, двигаясь в будущее.

Ведь и у русских накопилось немало обид и претензий к полякам. Например, русский писатель и публицист С. Куняев пишет: «Шляхерский гонор бессмертен. И от него страдали не только подвластные шляхте холопы, но куда более русских белорусы и особенно украинцы, презрение поляков к которым правильней объяснить не застарелой жадной мести за исторические обиды (украинцы натерпелись от поляков за всю историю куда больше, чем нанесли обид сами), а особым польским расизмом по отношению к хуторянскому, почвенному, негосударственному, и потому плохо приспособленному к сопротивлению племени»¹¹.

Многие и в России, и в Польше сегодня осознают, что от российско-польских отношений во многом зависит ход всей общеевропейской интеграции, что целостность Европы не может быть обеспечена без активного участия в ней Украины, Беларуси и России, что будущее европейских государств – в полноценном общеевропейском сотрудничестве, а отношения России с Европой станут такими, какими будут ее отношения с Польшей. Е. Помяновский, редактор русскоязычного журнала «Новая Польша», пишет по этому поводу: «Исчезли главные причины многовекового ожесточенного противоборства России с Польшей. Эта упорная борьба закончилась для Польши поражением с потерей независимости, но для России обернулась роковым бременем. Целью этой борьбы было, прежде всего, владение тер-

риториями, отделяющими Русь от Речи Посполитой. Это не безлюдные земли. Населяющие их народы – украинцы, белорусы, балты – стали жертвами этой борьбы, а распад СССР дал им независимость. До тех пор, пока их независимость соблюдается, не будет повода для трений между Россией и Польшей»¹².

Итак, повод для трений исчез. Ягеллонская идея восстановления Польши в границах 1772 г. наталкивается на реальности современной Европы, в числе которых и группа суверенных государств, образовавшихся именно на тех территориях, включения которых в состав своего государства добивались ягеллонцы. К прошлому возврата нет. Пришло время начать новые отношения с «нулевой» отметки. И здесь должен сыграть свою решающую роль польско-российский диалог, от благополучного исхода которого зависит успех общеевропейской интеграции и сотрудничества.

«Белые пятна» истории постепенно ликвидируются трудами историков, политологов, социологов. «Черные пятна» в душах людей, порожденные взаимными непониманиями и обидами, гораздо более устойчивы. Их надо ликвидировать шагами доверия навстречу друг к другу, совместного заинтересованного обсуждения перспектив сотрудничества, организацией инфраструктур экономической взаимозависимости и взаимовыгоды. Объективные основания для этого есть.

В текущем 2010 г. товарооборот между Россией и Польшей может достигнуть более 30 млрд долларов. Нужно, по-видимому, сказать, что он явился фактором того, что Польша пережила кризисные годы (2008–2010) несколько легче, чем другие страны Центральной и Восточной Европы. Великие славянские культуры тянутся друг к другу. Художественные выставки, фестивали кинофильмов и другие культурные мероприятия обеих стран вызывают живейший интерес и в Польше, и в России. Надо думать, что в развитие гуманитарных контактов и связей немалый вклад внесет и Российско-польский форум общественности, который возобновил работу в 2009 г. после длительного перерыва согласно решениям премьер-министров России и Польши В.В. Путина и Д. Туска. «Перезагрузка» российско-польских отношений сегодня уже не пропагандистское клише, а реальный, хотя и достаточно трудный и противоречивый, процесс.

В случае успеха российско-польского диалога к нему могут присоединиться Литва, Латвия, Эстония, а также страны, образовавшиеся после распада СССР на постсоветском пространстве, – Беларусь, Украина, Грузия. Это может привести к формированию центральноевропейской и восточноевропейской идентичности – важного идейно-теоретического, культурного компонента общеевропейской интеграции, с помощью которого эти страны преодолеют свое вторичное, подчиненное положение в европейских структурах и сумеют наработать механизмы более успешной защиты своих интересов как в ходе европейской интеграции, так и в общемировых масштабах.

Нынешнее поколение граждан восточно- и центральноевропейских стран не могут нести ответственность за преступные деяния их прадедов и отцов. История этой части Европы всегда писалась, к сожалению, большой и малой кровью, а народы становились жертвами крупных геополитических, цивилизационных коллизий между Западом и Востоком.

Тем не менее новая Европа, настроенная на то, чтобы влиять на мировое развитие «мягкой силой» («soft power»), и намеренная подать пример миру своими путями и способами достижения благополучия, социальной гармонии, невозможна без преодоления старых обид, несущими конструкциями которых являются взаимные польско-российские претензии и непонимание. Сейчас у России и Польши нет совместных границ и их старые споры должны рано или поздно уступить место новым заботам о мирном будущем их народов.

Статьи и доклады

- ¹ См.: Cienciala A. Poland and the Western Power. 1938–1939. London, 1968. P. 14.
- ² См.: Дэвис Д., Трани Ю. Кривые зеркала: США и их отношения с Россией и Китаем в XX веке. М., 2009. С. 213–214.
- ³ Davis N. God's Playground. History of Poland. Oxford, 1981. P. 438–442.
- ⁴ Там же.
- ⁵ Там же.
- ⁶ Lyons E. The Red Decade. New York, 1972. P. 12–16.
- ⁷ См.: Станкевич А. З Богам да Беларусі. Вільня, 2008. С. 776–845.
- ⁸ Там же. С. 859.
- ⁹ См.: Duraczynski E. Dzieje Polske. Warszawa, 1999. С. 167–177.
- ¹⁰ См.: Кершо Я. Дух моцнага лідэра. Arche, травень 2008. С. 9–43; Туронак Ю. Мадэрная гісторыя Беларусі. Вільня, 2008. С. 404–713.
- ¹¹ Куняев С. Русский полонез. М., 2006. С. 13.
- ¹² Помяновский Е. К востоку от запада. М., 2006. С. 18.

Поступила в редакцию 29.04.10.